

653362

ВОЛОГОДСКАЯ
областная обл. отека
им. И. В. Бабушкина

ЦАРЬ КОРЬ.

(Чердынское преданіе).

I

Желтобагровая луна вышла изъ-за ла-
лекихъ горъ „Каменнаго пояса“ земли и
залила своимъ свѣтомъ городъ Искорь,
высѣйша, какъ птичье гнѣздо, на недо-
ступной скалѣ, окруженной у подошвы
темными лѣсами. Сѣрыя стѣны и высокія
башни по угламъ покрылись свѣтло-жел-
тымъ багрянцемъ. Осирія копій и сабли
воиновъ городской стражи заблестали блу-
ждающими огнями въ лучахъ восходящей
изъ-за темныхъ горъ луны. Двускатныя
крыши домовъ внутри стѣнъ города тоже
покрылись луннымъ свѣтомъ и дали длин-
ныя тѣни на безмолвныхъ улицахъ.

Но тишина въ городѣ не прерыва-
лась, и жители мирно спали, забывъ ра-
дости и заботы повседневной жизни. Ни-
кто не проснулся отъ того, что ворва-
лись въ окна, черезъ прозрачную слюду,
снопы лунныхъ лучей и освѣтили полъ и
стѣны, и бѣлая печи. Только въ одномъ
высокомъ теремѣ огни горѣли зажжен-
ныхъ факеловъ и изливали потоки свѣта
изъ оконъ на молчаливо-пустынные тем-
ныя улицы. Тамъ пиръ былъ большой;
благородный царь Корь угощалъ ночью
порой любимцевъ своихъ и героевъ на-
рода. За большимъ столомъ на сосно-
выхъ скамьяхъ сидѣли его вельможи:
Славный Бурмать, Кагамортъ знамени-
тый, отважный Порсьюръ и дѣти царя
тутъ же были—старшій Редигаръ, стран-
ствовавшій по Біарміи, и младшій—краса-
вецъ—Мичамортъ. Въ красномъ кафтанѣ
посреди ихъ возсѣдалъ рыжебородый могу-
чій царь Корь. Ендова съ пѣнистой бра-
гой ходила изъ рукъ въ руки, не спѣша
и не медля, а за нею серебряные ковши
съ заморскимъ виномъ. Столъ былъ на-
полненъ явствами, дарами сѣвера: тамъ
были птицы всѣхъ родовъ (рябчики, те-
терева) и рыбы съ Колвы, съ рѣки Ви-
шеры и многоводной горной Печоры (се-
га, вельма, сига, щуки спокойно лежали

на столѣ). Въ углу пѣвецъ сидѣлъ и на
ветхой домбрѣ онъ игралъ старья, вели-
чавыя пѣсни о древнихъ богатыряхъ, так-
же о подвигахъ царя Кора. И пѣлъ пѣ-
вецъ, играя на домбрѣ:

Нашъ могучій, Корь прекрасный,
Богатырь рыжебородый,
Золотомъ кудрей блистаетъ.
Нѣкогда онъ шель войною
На вогуловъ и на йѡгра,
Онъ пошелъ въ страну востока,
Съ нимъ безъ счета наше войско;
Шли рѣкой, горами, пармой,
Все къ востоку, дальше въ горы—
Корь искалъ своихъ враговъ тамъ,
Лукъ, копьѣ въ рукахъ держалъ онъ.
Между синими скалами
Влизъ стремнинъ, ушелъ мрачныхъ
Отдаленныхъ горъ уральскихъ,
Онъ нашель, неутомимый,
Въ ельникѣ густомъ вогуловъ,
Онъ нагналъ ихъ, вождь безстрашный,
На вершинахъ сизоликихъ
Горъ туманныхъ, предъ Сибирью.

Богатырь остякскій Сямдей,
Князь вогульскій Берендела
Бросили копьѣ въ героя,
Вострой саблей замахнулись.
Не дремалъ и пермскій витязь,
Какъ олень, вскочилъ онъ быстро,
Какъ псець, вспрыгнулъ приморскій,
Корь сразилъ копьѣмъ вогула,
Выстрѣломъ убилъ другого,
Кто вождѣмъ считался йѡгра
И царемъ земли Остяцкой.
Это видѣлъ мѣсяцъ въ небѣ,
Солнце радовалось битвѣ!
Слава Перми укрѣпилась
За горами голубыми,
Въ золотой странѣ востока;
Покорились царю Кору
Остяки, вогулы, угра.
Объ рѣка, Иртышъ прозрачный,
И Тоболь узналъ о Перми,

О владѣннхъ царя Кора
У истоковъ свѣтлой Камы,
Желтой Иньвы, красной Чаньвы
И другихъ потоковъ горныхъ,
Намъ извѣстныхъ, безъимянныхъ,
Что текутъ все въ страны юга,
Къ Саридзъ—мору за равниной,
Стаи птицъ куда стремятся
Темной осенью дождливой“.

Такъ пѣлъ пѣвецъ, и внимали ему го-
сти царскіе. Веселье возросло на пиру у
царя Кора послѣ звуковъ домбры и ве-
ликихъ словъ пѣвца.

Быстрѣ переходили изъ рукъ въ руки
ендова съ бѣлопѣиной брагой и серебря-
ные кляши съ кипящимъ заморскимъ ви-
номъ. Голоса и смѣхъ крѣпочали среди
пирующихъ. Но вотъ опять раздался го-
лосъ пѣвца, и зазвенѣли струны домбры:

„Воспою я Редигара,
Сына царскаго прославлю,
Какъ онъ былъ въ землѣ далекой
Въ свѣтозарной Біарміи,
Что лежитъ тамъ въ устьѣ Эжвы-
По Двинѣ цвѣтетъ великой,
Упираясь въ берегъ моря,
У студеныхъ волнъ Саридзя
Города стоятъ златые.
Редигаръ нашъ свѣтлоликій
По теченью рѣкъ спустился
И дошелъ до дна Двины онъ,
Вѣтру и водамъ послушнымъ.
Бѣлокрылый парусъ лодки
Велъ его на сѣверъ темный
Къ птицъ каленикъ поближе,
Въ городъ Кардоръ отдаленный.
Редигаръ здѣсь безъ боязни
Посѣтилъ царя Рамдая,
Видѣлъ дѣву Гаріану
Дочь царя въ сосновомъ домѣ,
Жертвы приносилъ Рамдай тамъ
Вмѣстѣ съ дочерью прекрасной,
Молилъ бога онъ Юмалу
О злоровѣ Редигара,
Прочилъ дочь свою онъ замужъ
За него, за сына Кора,
Что пришелъ изъ странъ востока,
Изъ страны зари румяной
Съ синей Камы, съ горъ великихъ.
Ручку бѣлую дала тутъ,
Дочь Рамдая, Гаріана
Редигару, князю Черми.
„Ты, мой мужъ, судьбою даный,
Погости у насъ немного,
До ущерба дѣны неба,
До конца луны осенней,
Отъ цвѣтенья земляники

До поры черникли слакой.
Отъ брусники ярко красной
И морошки пестроцвѣтной,
Что растутъ въ сырыхъ болотахъ,
До полета птицъ небесныхъ,
Отъ студеныхъ волнъ Саридзя,
Улетающихъ въ край теплый,
Въ край счастливый, свѣтозарный;
За полетомъ птицъ воздушныхъ,
Какъ услышу шумъ ихъ крыльевъ,
Гоготанье, кликъ и радость,
Я отправлюсь за тобою
Въ страны дальнія востока
По волнамъ лѣсистой Эжвы,
По притокамъ неизвѣстнымъ,
Въ область Камы, въ городъ Искорь.
И привелъ онъ эту дѣву,
Редигаръ свѣтлокудрявый;
Всѣ дивились Гаріанѣ.
„Цвѣтъ Двины, дочь Біармии,
Синеглазый, бѣлолицый“,
Говорили наши жены,
„Лунный серпъ одинъ на небѣ,
Въ царствѣ Комі Гаріана
Всѣхъ затмила насъ красюю“.

Такъ пѣлъ пѣвецъ, то умолкалъ онъ,
то снова струны домбры въ рукахъ его
дрожали, и всѣмъ было весело, и герои
волновались, охмеленные виномъ и бра-
гой. Когда кругомъ всѣ веселились и ве-
личались своими подвигами, одинъ среди
пирующихъ не хмелѣлъ и не веселился.
Это былъ младшій сынъ Кора—Мича-
моръ. Онъ давно былъ пораженъ стрѣ-
лою любви лучезарнаго сына солнца
Шондзи—пи.

Онъ встрѣтилъ въ лѣсу Таріалу, дочь
жреца Бараморта, и полюбилъ ее. Но
не отвѣтила взаимностью Таріала, ее не
тронули слезы и вздохи царскаго сына.
Эта дѣва оказалась недоступнѣе и тверже
скалы, на которой возвышался зубчатый
городъ отца Мичаморта. Царь Коръ обра-
тилъ вниманіе, веселясь, на своего по-
блѣднѣвшаго сына, который не смѣялся
и не хвалился ничѣмъ на великомъ вечер-
немъ пиру рыжебородаго пермскаго царя.
Царь Коръ замѣтилъ печаль на лицѣ
своего сына, но еще медлилъ спросить
его о причинѣ его грусти, не привыкшій
быстро рѣшаться на что-нибудь, но любя
обдумывать то, что онъ скажетъ, и какъ
спросить. Между тѣмъ луна выше и вы-
ше поднималась по небу, рисуя на стѣ-
нахъ терема свѣтлыя и темныя фигуры
—тѣни деревьевъ, узоры ихъ вѣтвей,
вѣчно шумящихъ около царскаго дома.

Такъ пиръ продолжался.

Но вотъ вдругъ двери распахнулись, и въ пиршественной комнатѣ показался страшный жрецъ, слуга бога Войпеля, памъ Барамортъ, покрытый совикомъ, украшенный мѣхами соболя, горностая, на немъ звенѣли желѣзныя и мѣдныя кольца, вдѣтыя въ нихъ, со стальными ножами, которыхъ лезвія блеснули въ лучахъ факеловъ. Снявши свою лисью шапку, онъ показаль всѣмъ свою сѣую голову, а потомъ, поднявъ руки къ небу, сказалъ громовымъ голосомъ:

„Великій царь многогорной Перми, твой сынъ опозорилъ мою дочь сегодня до восхода всѣхъ карающей луны, въ священномъ лѣсу бога Войпеля. Сынъ сѣвера, грозный вѣтеръ, чуткоухій Войпель разгнѣвался, и всѣ проіе боги и богини. Вечерняя жертва моя не принимается богами, дымъ идетъ ве къ небу, а долу. Сквозь багровое пламя и сквозь прозрачныя воды священныхъ сосудовъ въ въ кумирницѣ увидалъ я печальную судьбу нашей великой страны, пораженія и несчастія нашего народа. Во всемъ виновать твой сынъ Мичамортъ, обесчестившій дочь мою, ворвавшись въ мой домъ въ священномъ лѣсу и заставъ ее тамъ одну безъ меня. Когда же я вернулся къ домашнему богу воршуду, я встрѣтилъ дочь свою въ слезахъ, въ изорванной одеждѣ, а преступникъ уже скрылся въ тѣни священныхъ деревьевъ.

Спѣши, сиѣши, царь Коръ, умилиститъ боговъ, ибо страшна ихъ ненависть къ людямъ, прекратите пиръ и веселье, сиѣшите къ жертвамъ и къ моленіямъ въ жилище боговъ...

Вотъ, вотъ, идетъ бѣда, летить и мчится на черныхъ крыльяхъ она... Отстрочьте времена, которыя не медлятъ“.

Такъ говорилъ жрецъ Барамортъ, воздѣвая руки къ небу, звеня желѣзными и мѣдными кольцами и лезвіями ножей, и, высказавъ все, вышелъ изъ дома царя, оставивъ всѣхъ въ глубокомъ молчаніи; какъ громомъ пораженныхъ предвѣщаніями страшнаго волхва несчастій пермской странѣ.

Царь Коръ сидѣлъ, облокотившись на свои могучія руки, голова его поникла, рыжая борода лежала на столѣ; Мичамортъ смотрѣлъ испуганными глазами на своего отца, Редигаръ на Мичаморта, вельможи переглядывались и молчали. Наконецъ, славный Бурмать, лучший изъ

воиновъ царя Кора, обратился со словами къ нему:

„Благодушный царь Коръ, не слѣдуетъ намъ печалиться и прекращать такъ внезапно нашъ пиръ. Напрасно жрецъ ворвался не во время. Мы не знаемъ, что было, и не приснилось ли ему старому во снѣ или наяву все, что наговорилъ онъ здѣсь: вѣдь нашъ волхвъ ужъ больно старъ. Если же Мичамортъ провинился, не слѣдуетъ сердиться на него: онъ слишкомъ еще молодъ. Да и велика ли бѣда и чуло ли это, что царскій сынъ, который прекрасенъ, какъ цвѣтокъ весенній, дерзнуть на простую дѣву... Горе только въ томъ, что случилось это въ священномъ лѣсу, полномъ тайнъ и чудесъ. гдѣ живутъ старыя богини Йѳма, но боги любятъ царя Кора, и примуть его жертвы, а богини не разгнѣваются на юнаго Мичаморта и предадутъ забвенію все, что случилось сегодня до восхода луны“. Такъ говорилъ Бурмать, а за нимъ и другіе всѣ заговорили и стали порицать жреца и оправдывать Мичаморта.

Царь Коръ поднялъ голову и обратился къ иѣвцу со словами: „утѣшь ты меня, иѣвецъ вдохновенный, музыкой великихъ иѣсенъ и словъ священныхъ,—спой памъ о богахъ и о Перми великой.

И запѣлъ снова Вѳрмортъ, перебирая пальцами струны изъ сухожилій оленя:

Боги страшные на небѣ,
Вы раскройте ваши уши,
И внимайте звукамъ добры,
Звукамъ пѣсенъ нѣжно-звучнымъ.
Заклинаемъ, мы возьмемъ васъ
Не къ печали, а къ веселью—
Въ лунномъ свѣтѣ желто-блѣдномъ
Отдалите смертный часъ нашъ,
Удлиняйте нити жизни,
Скоро, скоро дни проходятъ
Человѣка въ этомъ мірѣ.

Енъ великій, мать солнца,
Мать луны, та божья утка,
Что летаетъ въ синемъ небѣ,
И богъ страшный, богъ крылатый,
Трехголовый, свѣтозарный
Солнца ликъ, незримый ночью,
Днемъ, летящій надъ землею.

Внизъ глядятъ они оттуда
Терпѣливо и спокойно
Сквозь хрусталь чертоговъ неба.
Порошать порою снѣгомъ
Наши горы и долины,
Иногда же умываютъ
Ликъ земной небеснымъ ливнемъ

Такъ старательно, съ любовью.
 Вѣдаютъ и судъ и правду
 На землѣ иные духи:
 Грозный Войпель, величавый,
 Вихорь горный, чуткоухій,
 Жертвы жлетъ онъ и моленій,
 Поль землю Куль—богъ мрачный,
 Тѣни душъ онъ принимаетъ,
 Жребій грѣшникамъ готовитъ,
 Мать земли Му мамъ питаеть
 Въ этомъ свѣтѣ обѣлочномъ
 Всѣхъ дѣтей, людей—малютокъ
 Ей рожденныхъ не безъ боли
 Отъ супруга бога солнца.
 Боги наши любятъ Кора,
 Благодушнаго владыку
 Всѣхъ земель по синей Камѣ.
 Не печалься грозный воинъ,
 Боги всѣ съ тобою рядомъ
 Огрозятъ удары сабель
 Отклонятъ удары копій,
 Стрѣль не бойся смертоносныхъ:
 Мимо прожужжать, какъ пчелы.
 На скалѣ твой городъ чудный
 Окруженъ лѣсами—пармой;
 Побойся чужеземець
 Въ страну скалъ и горъ великихъ,
 Безизвѣстныхъ рѣкъ глубокихъ,
 Воиновъ толпу приблизить;
 Остановится вдали онъ,
 Поглядитъ, махнетъ рукою
 И назадъ вернется вкорѣ,
 Испугавшись синей выси,
 Мрачныхъ горъ, потоковъ шумныхъ.
 Не печалься, Пермь родная,
 Ты прикрыта отъ народовъ
 Разстояньемъ темнымъ, дальнимъ,
 Камнемъ сѣрымъ и лѣсистымъ,
 Рѣкъ узорочъ, бездорожьемъ,
 Краткимъ лѣтомъ, шумомъ бури,
 И сугробовъ пеленою,
 Мрачной, вязкой, непроходной,
 Долгой зимней непогодой.
 Будь въ лѣсахъ, въ горахъ красуйся,
 У верховьевъ маловидныхъ,
 Рѣкъ излучистыхъ и темныхъ
 У ключей, поющихъ звонко,
 У ручьевъ, шуршащихъ въ пармѣ,
 О сказаньяхъ чудно-тайныхъ
 Дѣлъ великихъ, незабвенныхъ
 Витязей гористой пармы,
 О преданьяхъ свѣтозарныхъ
 Старины пѣвуче-громкой,
 Дѣлъ минувшихъ пѣснопѣній;
 Стародавнихъ струнъ дрожанье
 Слышимъ мы въ лѣсахъ еловыхъ,
 Межъ вѣтвями въ красныхъ борахъ,

На полянахъ, межъ пѣвтами,
 Глѣ ромашка и шиповникъ
 Утѣшаютъ нащи взоры—
 Здѣсь красуйся, Пермь золотая,
 Не стремись на югъ волшебный,
 Къ сѣверу лишь направляй ты
 Пальпы ногъ твоихъ могучихъ,
 Всей ступней ходи по пармамъ
 Травянистыхъ тундръ, не бойся
 Волнъ студеныхъ океана:
 Полюбили боги наши
 Сѣверъ тихій и прекрасный
 Не хотятъ они отсюда
 Ни къ востоку—ни на западъ
 Ни на югъ огнисто-свѣтлый
 Уходить по доброй волѣ
 Безъ вѣтвей высшихъ рока,
 Міромъ правящаго вѣчно“.

Такъ игралъ Бѣрмортъ, десять струнъ
 домбры громко дрожали, и слова пѣвца
 утѣшили царя Кора, онъ поднялъ голову,
 и сталъ пить брагу, и ему всѣ послѣдо-
 вали гости.

Заря уже румянилась за „полюдь“ го-
 рою, за „помяненной“, и за вершиной
 „кворкуша“, какъ гости разошлись изъ
 дома царя Кора. Онъ остался одинъ съ
 Мичамортомъ и спросилъ его о случив-
 шемся.

„Два дѣла слѣлалъ я“, сказалъ Мича-
 мортъ; „одно доброе, другое—злое. За
 первое похвали, за второе накажи. Я былъ
 у лѣсистаго верховья рѣки Колвы, меж-
 ду дикими скалами, тамъ высоко надъ рѣ-
 кой, въ трещинѣ скалы, увидаль я пеще-
 ру, а внутри ея огромное яйцо увидаль
 я. Его снесла великая птица Рыкъ. Оно,
 какъ сѣрый камень, лежало на днѣ пе-
 щеры темной, я погладилъ, но не раз-
 билъ его, а самъ осторожно вышелъ от-
 туда, хворостинкой и валунами прикрылъ
 входъ въ пещеру, чтобы дикіе звѣри и
 неразумные люди не разбили яйцо вели-
 кой птицы; съ тѣхъ горъ каменистыхъ
 спустился я по волнамъ быстрой много-
 водной Колвы, не доходя до нашего ска-
 листаго города, на лѣсистомъ берегу
 нстрѣтилъ я Таріалу у ручья, съ шумомъ
 изливающего свои воды поверхъ разно-
 цвѣтныхъ камней въ спокойно-текущую
 Колву. Я уже давно любилъ эту дѣву и,
 вышедъ изъ лодки, погнался за ней; она
 убѣжала въ темный лѣсъ страшнаго Вой-
 пеля, чуткоухаго бога Шуа, и добѣжавъ
 до избы своего отца, вошла въ нее, а я
 за ней по пятамъ туда же пришелъ, и
 здѣсь употребилъ насиліе, потому что

тоска довела мою душу, и любовь помутила мой разумъ. Свершивъ злодѣяніе, я быстро скрылся за деревьями, она же, стоя на крыльцѣ, кричала и звала отца. Вотъ все, что случилось, отецъ мой! Рыжебородый Корь, выслушавъ своего сына, сказалъ ему: „хорошо, иди спать, можетъ быть, боги помилуютъ насъ“. Мичаморгъ ушелъ въ свой домъ, а царь Корь долго сидѣлъ у окна въ своемъ теремѣ, обуреваемый разными мыслями и томимый тяжелымъ предчувствіемъ. Уже солнце засіяло изъ-за горъ, изъ-за синихъ головъ, которая, какъ дальнія облака, поднимались на востокъ, а царь Корь все еще не спалъ. „Надо умилостивить боговъ, принести имъ черпаго быка, съ бѣлымъ пятномъ барана и золотую утку, успокоить жреца, взявши замужъ дочь его Таріалу за Мичаморта, затѣмъ усилить нужно войско мое, стоящее въ лѣсахъ у Покчи!“ Такъ онъ рѣшилъ въ умѣ и съ этой мыслью ушелъ въ свои покои, чтобы отдохнуть послѣ шумной ночи.

II.

Не успѣло солнце прокусить ухо луны, не прошло еще то время, которое раздѣляетъ зрѣлый возрастъ сер-бристой луны, глядѣвшей на городъ Искоръ съ любовью, отъ ея блѣдной старости и ущерба, какъ ужасная вѣсть потрясла жителей города на высокой скалѣ. Какой то народъ приближался къ ихъ городу, на коняхъ, вооруженный луками, жестокой, безпощадный. Царь Корь съ сыновьями и съ вельможами посидѣвши выйти на стѣны города и съ высокой башни увидаль вдалекѣ воиновъ въ красныхъ кафганахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, всѣ были на лихихъ коняхъ, вооружены длиннотѣнными копьями и острыми саблями. Конья и сабли блистали въ лучахъ солнца, кумачевые кафганы ихъ, какъ жаръ, горѣли на полянахъ межъ зелеными лѣсами. Неизвѣстный народъ приближался, а пермское войско предъ нимъ бѣжало.

Еще два ряда холмовъ раздѣляли ужасныхъ враговъ отъ города.

Храбрый Корь, богатырь пермскій, велѣлъ сыновьямъ, и Бурмату, и Порсьюру бѣжать къ пермскому войску, вдохновить его къ битвѣ въ темныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ между холмами. А самъ онъ глядѣлъ и глядѣлъ на враговъ въ ярко-красномъ кумачѣ, и соображалъ о защитѣ скалы и города Искора.

„Неужели исполнятся пророчества старыхъ жрецовъ, которые говорили еще въ моей юности, что не жильцы мы здѣсь, что на сѣверъ, къ студеному морю, въ травянистыя тундры мы должны направить пальцы ногъ своихъ?“. „Пусть будетъ, что угодно богамъ великимъ, я же буду защищаться до послѣднихъ силъ въ своемъ каменномъ гнѣздѣ, на скалѣ высокой, надъ которой только коршуны и ястребы летаютъ. Не оставлю я его, старый воронъ, безъ ужасной битвы у стремнинъ, въ пещерахъ горныхъ, на крышахъ башенъ и домовъ“.

— —

Пермяне, ободренные Редигаромъ и Бурматомъ вступили въ битву съ несмѣтнымъ войскомъ враговъ. Редигаръ, вооруженный копьемъ и саблей, выѣхалъ на поляну и звалъ на борьбу грудь на грудь, на единоборство незнакомцевъ въ красныхъ кафганахъ. Навстрѣчу ему выѣхалъ челоуѣкъ огромнаго роста на гнѣдой лошади; они ударили другъ друга копьемъ и искры вылетѣли изъ стали кольчуги, но всадники остались неподвижны на сѣдлѣ, какъ будто они были слѣпаны изъ скалы; кони ихъ столкнулись съ разбѣгу такъ сильно, что оба опрокинулись на бокъ, сабли, какъ молніи, заблистали надъ головами витязей.

Въ это время вопль раздался въ обоихъ войскахъ и крики, какъ удары грома, потрясли голубой воздухъ, и эхо отвѣтило имъ изъ ближнихъ и дальнихъ лѣсовъ и со склоновъ скалистыхъ горъ.

Войска бросились другъ на друга, какъ тучи сталкиваются на небѣ и стрѣлы молнии потрясаютъ землю, недвижно все внемлетъ кругомъ, чѣмъ кончится борьба стихій.

Звонъ кольчуги, свистъ стрѣлъ изъ лука, стукъ сабель и копій, ржаніе коней, стоны умирающихъ и побѣдные клики, трескъ падающихъ срубленныхъ деревьевъ наполнили поляны, берега рѣкъ и лѣсныя грущобы. Крыша неба дрожала отъ битвы, а земля стонала, скорбя одѣтяхъ своихъ, такъ яростно истребляющихъ другъ друга...

Битва, какъ огонь, быстро распространилась съ берега рѣки, на поляны и холмы, затѣмъ перешла въ лѣса и въ дѣвственныея грущобы... Бились воины у корней деревьевъ, на вѣтвяхъ ихъ и на качающихся вершинахъ...

Царь Корь смотрѣлъ на сраженіе съ высокой башни со скалы, посылалъ изъ

города время отъ времени подмогу къ ослабѣвающимъ витязямъ Перми; но вотъ жаркій полдень насталь, некло горы и долины, озаряя неистовыя дѣла людей; тутъ царь пермскій съ грустью увидаль, что войска его ослабѣли, подломились колѣна его богатырей, витязей славныхъ, устали ихъ руки събъ несмѣтное число враговъ, которые, какъ будто изъ земли выростали, умножаясь въ числѣ и все шли впередъ и впередъ. Крѣвкіе вожди Перми положили свои головы за страну Колгѣ; къ закату солнца, остатки войскъ прибѣжали къ скалѣ и, какъ мыши, стали взлѣзать, ползти на высокую гору, подъ защиту стѣнъ и башенъ города. а неизвѣстные враги подступили къ Пискору и со всѣхъ сторонъ окружили краснымъ кольцомъ высокой городъ.

Темная ночь наступила, жители Пискора зажгли огромные костры по краямъ скалы и съ оружіемъ въ рукахъ ждали врага, а вдалькѣ, во мракѣ лѣсовъ, волки и лисицы завывали, обрадовавшись трупамъ воиновъ, надъ вершинами сосенъ и елей кружились въ темнотѣ черныя вороны и остроглазые коршуны. Въ полночь облако покрыло городъ и великій шумъ наполнилъ уши пермянъ. То было не облако, а птица Ракъ; она крыльями покрыла городъ и человѣчьимъ голосомъ сказала: „Времена исполнились, городъ неприступный будетъ взятъ врагами впервыхъ всѣ погибнуть, кромѣ вдохновеннаго пѣвца Вѣрморта, царя Кора благодушнаго, несчастнаго Мичаморта и его невѣсты!.. Сказавъ, птица снялась съ города, она на этотъ разъ не прикрыла его могучими крыльями. Черныя дни настали для Перми, дни бѣдствій, несказанныхъ печалей.

Царь Коръ не скоро рѣшался на что нибудь, но, рѣшившись, твердо стоялъ на своемъ. Онъ хотѣлъ защищать городъ, пока онъ живъ. Съ восходомъ солнца, со всѣхъ сторонъ ползли на скалу неизвѣстные люди въ красныхъ кафтанахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ; какъ стрижи, они укрывались въ пещерахъ скалы и въ трещинахъ ея, и дальше поднимались, хватаясь за утесы, за углы камней, высохшіе кусты можжевельника. Коръ велѣлъ бросать на нихъ бревна, лить горящую смолу, камни, пепель; валились съ шумомъ гиганты сосны, сумрачныя ели, и бѣлыя березы на головы враговъ, смола лилась на нихъ огненными

потоками... И падали неизвѣстные воины съ утеса внизъ въ каменистую долину и въ ущелья,—такъ птенцы птицъ валяются съ деревьевъ, снятые изъ гнѣзда шаловливыми мальчиками и брошенные въ воздухъ между древесными вѣтвями. „Это не люди, а злые гогиагоги, загнанные великимъ царемъ Македонянь въ каменные горы“, говорилъ вождь красныхъ войскъ, глядя на битву изъ своей золотой палатки: „чего они хотятъ, мы съ голоду уморимъ ихъ, это львиное гнѣздо“. И снова лѣзли на скалу широколицыя, узкоглазые люди въ кафтанахъ и снова падали внизъ, въ бездну, оглушенные бревнами.

Съ ущерба луны до серповиднаго новолунія, а отсюда до свѣтзарнаго зрѣлаго возраста прекрасной богини, покровительницы пермскихъ лошадей и коровъ, и отъ зрѣлаго возраста до рокового новаго ущерба въ бѣгѣ жизни міра—длилась осада скалистаго, каменнаго города. Враги уже приуныли, просили своего всжда повернуть назадъ, въ степи вольныя, къ малымъ дѣтускамъ и къ женамъ полногрудымъ, миловиднымъ; „довольно бились мы здѣсь, въ этихъ дикихъ горахъ, въ пустынныхъ ущельяхъ, гдѣ никакихъ нѣтъ богатствъ, и поживиться нечѣмъ, да и народу мало въ этой ликовой, лѣсной мѣстности, у быстрыхъ непривѣтливыхъ рѣкъ“, говорили они. Но вождь ихъ еще медлилъ, приведенный рокомъ въ темныя, сѣверныя страны, къ простымъ народамъ. А пермскіе пѣвцы, между тѣмъ, одобряли воиновъ царя Кора, они пѣли пѣсни о сладости и жадѣ битвы, стоя на городскихъ башняхъ и стѣнахъ:

„Защитайте, защитайте
Пермь великую и Кора
Благодушнаго владыку
Быстрой Камы, свѣтлой Колвы,
Желтой Циньвы многодарной,
Рѣкъ великихъ, изобильныхъ
Рыбой бѣлой, рыбой красной
Чешуйчато золотистой,
Желтоперой, серебристой.
Мѣткіе стрѣлки мужайтесь,
Натяните ваши луки:
Звонъ тетивы такъ пріятенъ,
Сладостно жужжанье стрѣлы;
Защитайте страну бѣлокъ.
Красныхъ и пушистыхъ ур-пи,
Горностоя и лисицы,
Землю горъ и рѣкъ прозрачныхъ,
Гдѣ свободно всѣ летаютъ
Птицы божьи въ темныхъ пармахъ,

Рябчкъ сѣрый, сонный тетерь,
 Куронатокъ кроткихъ стая.
 Помощь къ вамъ придетъ съ востока,
 Войско съ запада примчится,
 Не робѣйте, дѣти Черми—
 Умереть приятно дома,
 Сложить голову за городъ,
 Гдѣ вы жили, проживали
 Посегодня такъ счастливо,
 Проводили дни золотые,
 Наслаждаясь звономъ пѣсенъ,
 Изумрудомъ зимнихъ сказокъ
 И топазомъ лучезарнымъ.
 Прибаутокъ, словъ народныхъ
 И сказаній дней минувшихъ;
 Ваши жены, дѣтки ваши
 Просятъ, молятъ васъ о томъ же.
 Тучи стрѣлъ не страшны цармъ—
 Сабли не берутъ вѣкъ храбрыхъ,
 Кошья страшны для пугловыхъ.
 Да не бойтесь узкоглазыхъ
 Желтолицыхъ незнакомецъ,
 Воиновъ въ кафтанѣхъ красныхъ.
 Дождь пойдетъ и прекратится,
 Черный день смѣнится яснымъ,
 Такъ и битва пріумолкнетъ,
 Саранча, поѣвши хлѣбы,
 Къ югу снова удалится.
 Будь смѣлѣе, царскій воинъ,
 Огражай улары рока.
 Такъ помъ мы пѣсни битвы,
 Воспѣваемъ сладость смерти.
 Защищайте, охраняйте
 Пермь великую и Кора,
 Городъ чудный, домъ нагорный
 Свѣточъ Черми многославной!
 Ты не бойся вражкихъ козней,
 Не попасть имъ желтолицымъ,
 Узкоглазымъ незнакоцамъ
 Въ этотъ горючъ пѣстроцвѣтный,
 Въ терема съ пурпурной крышей.
 И подъ сѣнь кумирницъ нашихъ
 Боги неба не допустятъ
 Враговъ Черми одолѣть васъ,
 Такъ мужайтесь чада Коми
 Охраняйте, защищайте
 Пермь великую и Кора.

Такъ пѣли пѣвцы, стоя на стѣнахъ и на вершинахъ башенъ, и возбуждали народъ къ битвѣ. Жрецы читали заклинаніе, черные, губительные заговоры произносили они, глядя на востокъ и на западъ, обращаясь къ богамъ неба и земли.

Могучій ливень полился съ неба послѣ ихъ заклятій, и возмущались всѣ потоки

и горные ключи, понеслись они съ шумомъ и пеною по вершинамъ Ворморта.

холмовъ въ темныя долины, прямо на войско иноземцевъ, и тѣ отбѣжали далеко отъ города, ручьи и рѣки затопляли равнины и гнались за врагами мутными, гнѣвными волнами.

Птица Рыкъ тогда сидѣла на темени уральскихъ горъ, и глядѣла на небо, ожидая, что скажетъ великій Богъ Енмаръ-безсмертныхъ и смертныхъ владыка, погибнуть ли Черми или спастись.

Отецъ неба и земли молчалъ, читая золотую книгу судьбы о царствахъ и народахъ о минувшемъ и грядущемъ.

Тогда птица Рыкъ сказала: „Великій Богъ, сидящій въ золотомъ дворцѣ на желѣзной крышѣ неба, неужели мои пророчества не соудутся и презрѣны будутъ твои постановленія, небесная книга развѣ не вѣрно пишетъ о дѣлахъ матери земли?“

Услыхавши эти слова великой птицы, сидящей на темени уральскихъ горъ, Енмаръ рѣшилъ предать городъ мечу и огню, на то была его воля, таковы были начертанія небесной книги.

Прекратился небесный ливень, и спустилась съ облаковъ на землю многоцвѣтная радуга Огка-Мѳгика, она, вытянувъ длинную шею, головою уткнулась въ потоки и испила всѣ воды рѣчьевъ и рѣчекъ, обнажились зеленыя равнины отъ темныхъ водъ, пѣнисто-бурныхъ, и возвратились къ городу невѣдомые враги на коняхъ въ кумачевыхъ одѣяньяхъ. Они поднялись на стѣны въ темную осеннюю ночь, когда пермяки меньше всего ихъ ждали. Взятъ были городскія стѣны, башни разрушены таранами, городъ оказался въ славени огня.

Царь Коръ и его войско еще сражались на крышахъ уплѣвшихъ у входа высокихъ кумирницъ... Но падали пермскіе люди одинъ за другимъ отъ ударовъ сабель. Послѣдній часъ насталъ для города. На высокой скалѣ, коршуны уже клевали птенцовъ въ самомъ гнѣздѣ.

Вмѣстѣ стояли Коръ и Мичамортъ, а за ними свѣтлый пѣснопѣвецъ Вормуть, дрожащій, съ домброю въ рукѣ. Еще высоко поднималъ свой мечъ царь Коръ и рубилъ головы окружавшихъ его теремъ враговъ, и Мичамортъ ему помогалъ, но вотъ облако прикрыло его: птица Рыкъ налетѣла на него, и взяла къ себѣ на хребетъ Мичаморта и царя Ко- за ними вдохновеннаго музыканта Ворморта. Высоко поднялась великая пти-

ца и, какъ утренняя заря, перелетѣла чрезъ вражьи головы, черезъ скалы и лѣса, и только, когда пролетала надъ священнымъ лѣсомъ бога Войпея, распустивъ крылья, какъ двѣ бѣлыя тучи, спустилась къ жилищу жреца, и взяла его къ себѣ на спину, Бараморта и его свѣтлокудрявую дочь Таріалу: для постѣва грядущихъ племень взяла она Мичаморта и Таріалу. На сѣверь полетѣла таинственная птица Рыкъ, къ верховьямъ Вычегды, и положила здѣсь на высокой горѣ съ синей, лѣсистой вершиной, Джелжимъ—парма, дѣтей—людей, которыхъ перенесла она съ великой Камы: царя Кора, Мичаморта, Таріалу, Ворморта и жреца Войпея. „Здѣсь живиге, сказала она, глядите на сѣверь, до моря дано вамъ жить, до студеныхъ волнъ океана“. Сказавъ, съ шумомъ, подобнымъ дождю и бурѣ, вверхъ она поднялась, въ голубыя поля небесныхъ пространствъ, и сквозь синій воздухъ улетѣла на высоты дальнихъ уральскихъ горъ.

Зажили въ шалашѣ томъ на Джелжимъ царь Коръ и Мичамортъ со своей Таріалой, съ ними же были жрецъ и Вормортъ, пѣвецъ лѣсовъ. Коръ совѣтовалъ Мичаморту собрать народъ, живущій по берегамъ желтой Вычегды, и построить городъ на пармѣ, всѣхъ туземцевъ, пьющихъ воду съ притоковъ Вычегды, обложить данью, ясакомъ, составить царство крѣпкое въ лѣсныхъ трущобахъ, но къ нимъ пришелъ старикъ сѣдой (былъ ли то богъ, или памъ лѣсной, этого не знали ни Мичамортъ, ни царь Коръ) и сказалъ имъ: „не нужно намъ войска, ни царства не нужно, мы живемъ здѣсь вольно, какъ звѣри лѣсные, какъ птицы воздуха. Южные народы, все пожирая и злаки, и звѣрей, и руды каменные, идутъ все на сѣверь, но еще не скоро придутъ къ намъ, пока живемъ на свободѣ, дѣти великаго Енъ“. Такъ сказалъ неизвѣстный старикъ, и скрылся. Мичамортъ послушался его, царь Коръ, тоскуя по синей Колвѣ и своему городѣ, каменномъ гнѣздѣ, скоро умеръ въ пармѣ подъ елью высокой, такъ кончились дни его, а Мичамортъ зажилъ жизнью новой, подражая рыбамъ и птицамъ, а не южнымъ, хищнымъ народамъ, которые сами страдаютъ, и другимъ не даютъ покою въ окраинахъ міра.

Пѣвецъ Вормортъ ходилъ по лѣсамъ, онъ пѣлъ и плакалъ, играя на домбрѣ.

Грозно-страшное случилось—
Птица Рыкъ перенесла насъ
Черезъ горы, рѣки, доли,
Въ землю дальнюю, на сѣверь,
Къ берегамъ песчаной Эжвы,
На вершину Джелжимъ-парма.
Плачу, плачу я о Камѣ,
Свѣтлой рѣчкѣ тихоструйной,
Рѣки слезъ я проливаю
О минувшемъ, о великомъ
Лучезарномъ царствѣ Кора,
О скалѣ гемносѣистой,
Пестроцвѣтный, ненаглядный
Глѣ ты, глѣ ты, городъ Искорь,
Несравненный на востокѣ
Изумрудъ межъ горъ туманныхъ,
Межъ камней онъ темноцвѣтныхъ
Выглядитъ топазомъ свѣтлымъ!
Драгоценность средь пустыни,
Сердце жизни, свѣтлый городъ
Тебя въ пепель превратили
Злые люди, тѣ южане!..
Плачу, плачу, одинокій,
Рѣки слезъ я проливаю,
О тебѣ, мой милый Искорь,
Не забуду никогда я,
Свѣтлый образъ лучезарный.
Буду пѣть я славу Перми.
Оглашать долины, горы,
Звуки домбры прозвучатъ здѣсь
Въ поученье дальнимъ людямъ
И потомкамъ въ назиданье,
Какъ страдалъ нашъ Коръ великій
Ради славы отдаленной
Городъ взять былъ для того же,
Для пѣвцовъ грядущихъ дальше,
Чтобы струны ихъ дрожали,
Раздавались пѣснопѣнья
О минувшей славѣ Комі;
О дѣлахъ, великихъ, страшныхъ,
Для потомковъ непонятныхъ.
Пармы темныя, услышите
Мои стоны, пѣсни домбры,
Мои слезы передайте
Всѣмъ грядущимъ поколѣньямъ—
Ничего не забывайте.
О дѣлахъ великихъ Кора,
О страданияхъ горныхъ Перми
Плачу я и неутѣшенъ,
Рѣки слезъ я проливаю.

Такъ пѣлъ пѣвецъ, и слова его сохранились въ темныхъ пармахъ, въ свѣтлыхъ борахъ, въ пѣньи птицъ, въ шопотѣ лѣсовъ.

Отъ нихъ узналъ это старое преданье о Царѣ Корѣ

К. Жаковъ.